

Кэрролл Льюис

Алиса в Зазеркалье

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л91

Л91 **Льюис К.**
Алиса в Зазеркалье / Кэрролл Льюис – М.: Книга по Требованию, 2022. –
126 с.

ISBN 978-5-519-92084-1

ISBN 978-5-519-92084-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

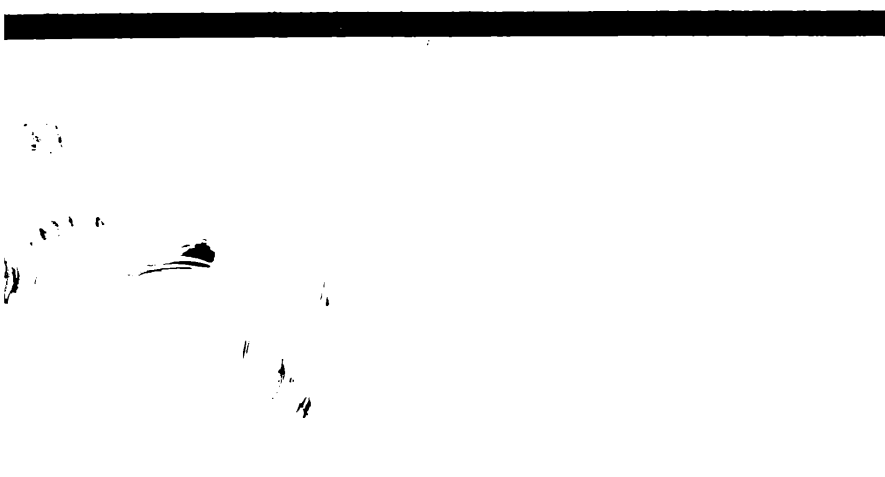
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Мое дитя с безоблачным челом,
В твоих глазах — мечта и ожиданье...
Проходит жизнь: мы врозь с тобой живем,
Нам никогда не суждено свиданье.
Но все-ж с улыбкой дар мой примешь ты:
Волшебной сказки легкие мечты.

Не для меня твой серебристый смех,
Твоей улыбки солнечной сиянье,
Не обо мне среди любимых всех
В грядущих днях твое воспоминанье.
Довольно мне, что нынче ловишь ты
Волшебной сказки легкие мечты.

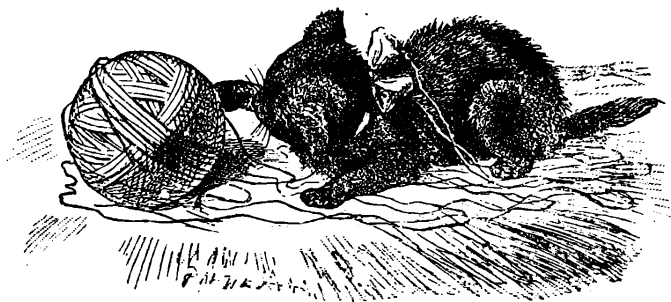
Ту сказку я сложил в былые дни,
Как лепестки цветов ее я бросил.
В июльский вечер на реке в тени
Ее сложил я в лад ударам весел.
Я слышу плеск их... вижу тот закат,
Хоть годы мне давно забыть велят.

Но слушай же!... Пока суровый зов
Последней вести, с горькою тоскою,
Не оторвет от солнца и цветов,
Печальную, тебя—позвав к покою,
Мы—вечно дети: мысль для нас страшна,
Что наконец настанет время сна.

Там, за окном—мороз трещит сильнее,
И плачет стон безумной вьюги снежной.
Здесь—в камельке горячий жар углей
И детский мир, уютно безмятежный.
Отдавшись сказке яркой и живой,
Ты не услышишь бури страшный вой.

Пусть легкий вздох в той сказке иногда
И задрожит неумовимо где-то,
О „летних днях, ушедших без следа“,
О красоте исчезнувшего лета:
Он не смутит дыханьем темноты
Волшебной сказки легкие мечты.

3

Г Л А В А I.

Дом в зеркале.

Одно было уж верно: белый котенок был тут не при чем. Это была всецело вина черного котенка. Потому что в течение последней четверти часа белый котенок был занят: старая кошка умывала ему мордочку—и надо сказать, он вел себя при этом довольно хорошо. Так что вы сами видите: белый котенок никак не мог быть замешан в этом преступлении.

Дина мыла своим детям мордочки таким образом: сначала она возьмет бедняжку одной лапой за ухо и придержит ему голову, а другой лапой давай растирать ему все лицо, да еще против шерстки, от носа вверх. Как раз сейчас, как я сказал, она была очень занята с белым котенком. Он лежал смиренно и даже пробовал мурлыкать. Конечно, он чувствовал, что все это делается для его же блага.

Но черный котенок кончил свой туалет раньше, и когда Алиса, свернувшись калачиком в большом кресле, наполовину сама с собой разговаривала, наполовину дремала там,—он, черный, затеял большую суету с мотком шерсти, который наматывала Алиса. И он катал его взад и вперед по комнате, пока моток совсем не размотался. И так он и валялся теперь, на

коврике перед камином,—целое море шерсти. А посередине этого разрушения котенок, как ни в чем не бывало, гонялся за собственным хвостом.

— Ах, ты, гадкая, гадкая киска!—воскликнула Алиса, схватив котенка и поцеловав его, чтобы он понял, что она на него сердится.—Право, Дине не мешало бы научить тебя вести себя приличнее. Ты должна это сделать, Дина. Ты сама знаешь, что должна,—прибавила Алиса, с упреком глядя на старую кошку и говоря таким сердитым голосом, какой только она сумела себе сделать.

Потом она опять взобралась на кресло, взяв с собой котенка и моток, и начала опять наматывать шерсть на бумажку. Но дело у нее шло медленно, потому что она все время разговаривала, то с котенком, то сама с собой. Китти же сидела очень солидно у нее на коленях, притворяясь, будто она следит за тем, как идет наматывание клубка. Иногда она даже протягивала лапку и дотрагивалась до клубка, словно она хотела помочь Алисе: жаль только, что не умеет.

— Ты знаешь, что будет завтра, Китти?—начала Алиса.—Ты бы догадалась, если бы сидела со мной на окошке. Только Дина в это время умывала тебя, так ты не могла. Я смотрела на мальчиков, как они таскали хворост для костра. Для костра надо много хвороста, Китти. Только стало так холодно и такой снег пошел, что им пришлось бросить. Ничего, Китти. Завтра мы пойдем и посмотрим костер.

Тут Алиса обернула шерстяную нитку два или три раза вокруг шеи котенка, просто посмотреть, как это ему идет. Это повело к маленькой схватке, во время которой клубок скатился на пол, и опять целые аршины шерсти распустились.

— Ты знаешь, я так рассердилась, Китти,—продолжала Алиса, когда они опять уселись со всеми удобствами в кресле.—Я так рассердилась, когда увидела, что ты наделала. Я чуть было не открыла окно и не бросила тебя в снег. И ты заслуживаешь такого наказания, гадкая, скверная, маленькая душка моя. Ну,

что ты можешь сказать в оправдание? Не перебивай меня. Я перечислю тебе сейчас все твои проступки. Номер первый: ты два раза завизжала, когда Дина тебя мыла сегодня утром. Ты не можешь сказать, что этого не было: я сама слышала. Что ты

там говоришь? Она понала тебе лапой в глаз? Все равно, это твоя вина. Не держи глаза открытыми, когда тебя умывают, так ничего и не будет. Пожалуйста, без всяких объяснений. Я прошу слушать меня. Номер второй: ты схватила Снежка за хвост, как

раз когда я поставила перед ним блюдечко с молоком. Ах, тебе хотелось пить? Ах, подумайте, ей пить захотелось! А почему ты знаешь, что Снежку не хотелось пить? Ну-с, теперь номер три: ты разматала весь клубок, когда я зазевалась. Это три проступка, Китти, а ты до сих пор не наказана еще ни за один из них. Ты знаешь, я собираю все твои наказания на следующую пятницу, через неделю... А что, если бы папа и мама стали собирать так все мои наказания? Что бы они стали делать со мной в конце года? Им пришлось бы послать меня, вероятно, в тюрьму в день расчета. Или... надо сообразить... Если бы каждое наказание было — остаться без обеда? Значит, в этот несчастный день, в конце года, мне пришлось бы остаться сразу без пятидесяти обедов? Ну, что же. Я бы не очень огорчилась. Лучше остаться сразу без пятидесяти обедов, чем сразу съесть их.

— Слышишь, Китти, как снег ударяет в стекла? Как тихо. Как будто кто-то целует окно снаружи. Должно быть, снег любит деревья и поля, если он их целует так нежно. А потом он окутывает их плотно, плотно белым пелом и, может быть, он говорит им: „Ложитесь спать, милые, пока не вернется лето“. А когда они просыпаются летом, Китти, они одеваются во все зеленое и танцуют, когда подует ветер. Ах, это так красиво.—И Алиса опять уронила моток, потому что ей понадобилось всплеснуть на этом месте руками.—И я так хотела бы, чтобы это была правда. Ты видела, какой сонный вид бывает у леса осенью, когда листья становятся коричневыми?

— Китти, ты умеешь играть в шахматы? Ну, не надо смеяться, душечка, я ведь спрашиваю серьезно. Потому что, когда мы недавно играли, ты смотрела, как будто ты понимаешь, а когда я сказала: „Шах“, ты заурлыкала. Это был чудный шах, Китти, и я, право, могла выиграть, если бы не этот противный Конь, который врезался вдруг, откуда ни возьмишь, в мои фигуры. Китти, душечка, давай играть, как будто...

Я хотел бы иметь возможность рассказать вам хотя бы половину тех вещей, которые говорила Алиса, когда она начинала

со своей любимой фразы: „давай играть, как будто“... Не далее, как вчера, у нее вышел еще длинный спор с сестрой из-за того, что Алиса сказала: „Давай играть, как будто мы короли и королевы“. А ее сестра, которая любит во всем точность, стала доказывать ей, что невозможно им быть королями и королевами, потому что их ведь только двое. Алисе в конце концов пришлось сделать сестре такое предложение: „Так ты будешь одна королева, а я буду все остальные“. А раз еще Алиса страх как испугала свою старую няню, закричав ей вдруг прямо в ухо: „Няня, давай играть, как будто я голодная гнена, а ты—кость“.

Но это отвлекло нас от речи, которую Алиса держала котенку.

— Давай играть, как будто ты Черная Королева, Китти. Ты знаешь, если бы ты села, как следует, и сложила бы так лапки, ты была бы совсем как Черная Королева. Ну-ка, попробуй, дунечка!

И Алиса сняла со стола Черную Королеву и поставила ее перед котенком, как образец для подражания. Однако, из этого дела ничего не вышло. Главным образом,—объяснила Алиса,—потому, что котенок не хотел сложить, как следует, лапки. Чтобы наказать его, Алиса подняла его и приткнула к зеркалу, чтобы он мог видеть, какой он глупый.

— Если ты сейчас же не сделаешься хорошей кошечкой,—прибавила Алиса,—я просуну тебя насильно—в дом с той стороны зеркала. Как это тебе понравится?

— Теперь, если ты только будешь слушать, Китти, и не слишком много болтать, я расскажу тебе все, что я думаю насчет дома за зеркалом. Во-первых, там есть **комната**. Ты видишь ее через стекло. Это такая же комната, как **наша** гостиная, только вещи там стоят иначе. Я вижу ее всю, когда становлюсь на стул—всю, кроме кусочка, который как раз за камином. Ах, я так хотела бы увидеть именно этот кусочек. Мне так хочется знать, зажигают они огонь зимою или нет. Этого никак нельзя узнать, ты понимаешь? Только когда камин у нас начинает дымить и дым поднимается по комнате, видно, что и там топят. Но, может

быть, они это делают нарочно, чтобы только думали, что у них топится. Книжки у них почти как наши книжки, только слова у них наоборот. Я знаю это потому, что я раз держала так книгу перед зеркалом, и они тогда тоже поднесли так книгу в своей комнате.

— Ты хотела бы жить в доме за зеркалом, Китти? Вот уж не знаю, давали ли бы они тебе там молоко. Может быть, зеркальное молоко и невкусное. Но слушай, Китти, я тебе сейчас скажу про их корридор. Если широко распахнуть дверь нашей гостиной, можно увидеть корридор в доме за зеркалом. Это совсем как наш корридор, только ведь он не весь виден, и, может быть, дальше он совсем другой. Ах, Китти, как это хорошо было бы, если бы мы могли пройти насквозь в дом за зеркалом. Я уверена, что там должна быть масса красивых вещей. Давай играть, Китти, как будто туда есть какой-нибудь проход, Китти. Давай играть, как будто стекло стало вдруг мягким, как кисея, так что мы можем пройти насквозь. Смотри, оно уже начало превращаться во что-то вроде тумана. Честное слово! Нам будет довольно легко пройти сквозь него.

Алиса очутилась на каминной полке, сама плохо сознавая, как она забралась туда. И действительно, стекло начало плавиться и таять, как блестящий серебряный туман.

Еще через минуту Алиса очутилась по ту сторону зеркала и легко спрыгнула в дом за зеркалом. Первым делом она посмотрела, топится ли там камин, и она испытала большое удовольствие, когда увидела, что он топится, да еще как — полыхая с той же яркостью, как камин, который она оставила позади себя. „Ну, мне здесь будет так же тепло, как в нашей старой комнате“, — подумала Алиса. — „Даже еще теплее, потому что здесь никто не станет прогонять меня от каминной решетки. Вот смешно — будет, когда сестра увидит меня здесь, за стеклом, а достать меня не сможет“.

Затем Алиса начала разглядывать комнату и убедилась, что та часть ее, которая видна была ей из ее старой комнаты, мало

интересная и совсем обыкновенная. Но зато остальная часть ее совсем иная. Так, например, картины на стене, у камина, казались совсем живыми; даже часы на каминной полке (вы ведь знаете, в зеркало видна только их задняя сторона) приобрели физиономию маленького человечка, и этот человечек ухмылялся ей.

„У них здесь не так чисто, как у нас“, подумала Алиса, заметив в камине среди пепла несколько пепел. Но через минуту

она опустилась с громким восклицанием на четвереньки перед камини́м и стала разглядывать их. Пешки разгуживали в камини́е попарно.

— Вот Черный Король и Черная Королева—сказала Алиса (шепотом, чтобы не спугнуть их),—а вот и Белый Король со своей Королевой сидят на краю лонатки. А вот две туры гуляют под ручку... я не думаю, чтобы они меня слышали...—Алиса придвинулась и наклонила голову к самой решетке.—И я почти уверена, что они не могут видеть меня. Я чувствую, что я вроде как бы невидимка.

Тут кто-то завизжал на столе позади Алисы, и это заставило ее повернуть голову. Она как раз заметила, как одна из белых пешек побежала по столу и начала лягаться. Алиса следила за ней с большим любопытством. Интересно было, что будет дальше.

— Это голос моего ребенка!—воскликнула Белая Королева, и побежала. Пробегая мимо Белого Короля, она толкнула его с такой силой, что он свалился прямо в камин.